

ПРИЧЕМ - ОДНА ИЛИ ДВЕ СИТУАЦИИ?

par

Daniel Weiss
Université de Munich

Данная статья является продолжением работы Weiss, 1991, указанной в библиографии. Поэтому мы позволим себе хотя бы в нескольких словах изложить итоги этой работы. Опиралась она на корпус из 230 примеров, из которых 69 – из научной литературы, 67 из записи живой разговорной речи, 53 из художественных произведений и 41 из текстов публицистического характера. Исходной точкой наших соображений служило наблюдение, что, судя по синтаксическим критериям, сложные предложения с союзом *причем* относятся скорее всего к сочинительному типу. Об этом свидетельствуют почти все критерии, которые были положены в основу типологии сочинительной и подчинительной связей, предложенной в Weiss, 1989: союз *причем* остается всегда на стыке двух соединяемых им конъюнктов, т.е. не способен перемещаться вместе с вводимым им предложением, как это характерно для подчинительных союзов; *причем* может свободно появляться в самом начале предложения, оформляя межфразовую связь (первый и второй конъюнкты являются самостоятельными предложениями или, по крайней мере в спонтанной устной речи, даже цепочками предложений); *причем* сочетается с сочинительным союзом *и*, давая сложный коннектор *и причем*; и наконец, предложение с *причем* всегда отделено паузой, т.е. соединяемые этим союзом конъюнкты никогда не входят в просодическое единство, в котором они соотносились бы друг с другом как тема и рема.

С другой стороны, *причем* никогда не связывает однородных членов внутри одного предложения, чем резко и отличается от “классических” сочинительных союзов *и*, *а*, *да* и *но*. Зато бросается в глаза его склонность к “вторичному” употреблению (по Прияткиной, 1974), где союзная связь как будто накладывается на уже существующую другую

синтаксическую (нп. актантную, сирконстантную или определительную) связь. Проиллюстрируем это первыми примерами:

1) Стоит и напевает своим музыкальным голосом частушки, *причем* по-английски, любил он переиначивать частушки на английский лад, и мы хохотали... (В.Ерофеев)

2) Если мы не сможем поставлять им советские газеты и журналы по прежней схеме, то нам придется возвращать им деньги, *причем* немалые. Речь идет о миллионах инвалютных рублей. (Правда)

Такие случаи "вторичного" употребления *причем* составляют в моем корпусе ок. 20%. Этот факт примечателен в двух отношениях: во-первых, сочетание упомянутых признаков сочинительной связи с синтаксическим включением второго конъюнкта в первый, которое происходит при "вторичном" употреблении, явно противоречит распространенному в литературе предмету взгляду, будто сочинение и включение ("embedding") представляют собой два противоположных полюса одной и той же шкалы¹. Во вторых, веская доля "вторичных" случаев указывает на определенную склонность данного коннектора к соединению такой пары конъюнктов, в котором второй лишь **уточняет** первый. Следовательно, здесь нет того прагматического, семантического и синтаксического **равновесия** между двумя конъюнктами, которое характеризует "классические" сложносочиненные предложения с союзами *и*, *да*, *а* или *но*.

Сопоставление с союзом *и* выявляет целый ряд подтверждений того, что союз *причем* на самом деле не способен к соединению двух семантически равноправных ситуаций. Так, *причем* не допускает **временной последовательности** двух событий или процессов (в вышеуказанной статье обсуждаются мнимые контрпримеры, где на самом деле

---

¹ В частности, эту точку зрения отстаивает Lehmann (1988: 189). Следует однако добавить, что здесь, как и во всех известных нам типологических анализах сложного предложения, "вторичное" употребление союзов совсем не принимается в расчет.

временная соотнесенность описываемых фактов перестает быть значимой). Тем самым исключается возможность появления имплицитной условной или причинно-следственной семантики, столь характерной для союза *и*. Уступительное значение в принципе не исключается, но оно должно сигнализироваться эксплицитным образом. Кроме того, соединяемые союзом *причем* конъюнкты не могут входить ни в сопоставительное ни в противопоставительное отношения, ни оформлять параллелизм двух ситуаций. С другой стороны, *причем* может вводить комментарий к содержанию первого конъюнкта. Все эти наблюдения явно указывают на то, что для союза *причем* не характерно равновесие конъюнктов: он описывает связь не двух автономных ситуаций, но скорее двух различных аспектов одной и той же ситуации.

Это свойство проявляется еще ярче, если учесть **референциальные ограничения**, накладываемые этим союзом на второй конъюнкт. Если к пр. союз *и* допускает в качестве второго конъюнкта предложение, не содержащее ни одной прямой или косвенной анафорической отсылки к первому конъюнкту², то при употреблении *причем* такое положение дел немислимо, ср.:

3а) Луна светит, и молодые пары целуются.

б) Луна светит, *причем молодые пары целуются.

Наоборот, *причем* предполагает референциальную зависимость второго конъюнкта от первого. В принципе, правда, можно построить фразы типа следующей, где нет такой очевидной референциальной связи:

4) Завтра мы едем за город, *причем* погода наверняка будет плохая.

Отметим, однако, что здесь погода входит в ситуацию "поездка за город" как типовой (и притом весьма существенный!) сирконстант. В нашем корпусе такие примеры представлены в очень незначительном количестве, причем все они относятся к устной спонтанной речи.

---

² Разумеется, что все-таки оба конъюнкта должны относиться к той же общей теме, как это всегда требуется для сложного предложения.

Из сказанного следует, что хоть одна именная группа в предложении, вводимом союзом *причем*, должна быть кореференциальной с ИГ-антецедентом в предыдущем предложении или ее референт должен быть включенным в множество референтов, обозначаемых именной группой в предыдущем предложении. Остановимся коротко на первом случае. Кореференциальная анафора во фразе с *причем* оформляется обычным образом, т.е. личным местоимением, нулевой отсылкой (если данная анафора выполняет функцию подлежащего), полной именной группой, являющейся или лексическим повтором, или перифразой, либо смешанной ИГ, состоящей из указательного местоимения *этот* или *тот* и повтора или перифразы. Проиллюстрируем эти варианты по очереди:

5) Ясно, что на то, чтобы обеспечить и материальную базу, и социальную защищенность членов союза, нужны деньги, и немалые!

СП СССР не имеет больших денег... к сожалению, Литфонд тоже. *Причем*, видно, Δ будут иметь отчисления в ближайшие годы меньше, чем имели. (эллипсис) (Московский литератор)

6) И ты понимаешь ли, значит, ну выгородка значит ширмами, стоит стул, ну какие-то у неё принадлежности там туалета, *причём* она в такой полуночной рубашке, потому что... В основном это в общем её покинул любовник. (местоимение) (Машинный фонд)

7) В современном русском языке нормативными являются приложения, в которых деепричастное и глагольное действия приписываются одному субъекту, *причем подлежащее* не может входить в состав деепричастного оборота, напр....(перифраза) (Е.Н.Саввина)

8) <197> Это в Колонном зале было. И так выгорожено было вроде ширмы понимаешь, и вот она с телефоном. Вся опера в этом. Понимаешь? Ну она так и поставлена и задумана, *причём* мне рассказывали слушали французскую запись, Пуленк специально написал *эту оперу* для драматической актрисы, но которая вот пела. (смешанный тип анафоры) (Машинный фонд)

Следует, кстати, отметить, что иногда антецедент находится не в ближайшем предыдущем предложении, а в

более отдаленном отрезке текста. - Ситуацию референциального включения иллюстрирует следующий пример:

9) Пospорили американец, француз и русский - кто всех храбрее?

- Мы, - заявил американец, - по жребию разыгрываем десять машин, *причем у одной из них* нет тормозов, и мчимся по горной дороге... Потом один лежит в больнице, а остальные девять его навещают.

- Это что! - сказал француз. - Мы разыгрываем по жребию десять девушек, *причем у одной из них СПИД*... Потом один в больнице, а остальные девять его навещают.

- Ха! - рассмеялся русский. А мы собираемся вдсятером и рассказываем политические анекдоты, *причем все знаем, что среди нас один стукач*.

- А потом?

- Потом девять сидят, а один носит им передачи. (Советский политический анекдот, вып. третий, Рига 1990)

В повествовательных текстах (особенно у Булгакова) нередко встречается подобная инклюзивная обстановка (сначала высказывание о множестве референтов, потом более точная предикация об одном из его элементов), причем обе предикации оформляются совершенным видом; получившаяся таким образом цепочка двух форм совершенного вида имеет тогда нестандартное значение полного **временного совпадения** описываемых действий:

10) Тройка *двинулась* в Патриарший, причем кот *тронулся* на задних лапах. (Булгаков)

11) С тем и *уехали* с Садовой, причем с *уехавшими отбыл* растерянный и подавленный секретарь домоуправления Пролежнев. (Булгаков)

Думается, что именно такое употребление совершенного вида может служить формальным показателем той "одно-ситуативной" семантики, о которой ниже будет речь. В вышеуказанной статье рассматриваются еще другие разновидности инклюзивной семантики, выражаемые в предложениях с *причем*.

Небезынтересным представляется тот факт, что не только референциальный состав второго конъюнкта, но и его тематико-рематическое членение предопределяется

первым конъюнктом. Так, в большинстве случаев тема второго конъюнкта отсылает к теме первого конъюнкта; в частности, такое положение имело место в примерах 4 - 7. Тип с последовательностью P1 - T2 встречается преимущественно в примерах с инклюзивной семантикой, ср. 9. Данное стремление к продолжению заданной темы не объясняется полностью анафорическим характером тематической ИГ во втором конъюнкте : ведь и анафора может входить в рему, когда она, к пр., оформляет контраст, но, как уже было замечено, предложения с *причем* не выступают в контрастивной функции.

Напомним, что, кроме описанной референциальной и тематико-рематической зависимости предложений с *причем*, от первого конъюнкта уже наблюдалась такая же зависимость во временном плане (исключается временная последовательность). Все это выглядит подозрительно : создается впечатление, что в сложных предложениях с *причем* описываемый кусок действительности мыслится не как две, а как одна ситуация. Назовем этот способ представления для удобства "односитуативной моделью". В чем, однако, заключается суть этой техники? В примерах, приведенных до сих пор, она состоит, видимо, в **уточнении** того, что было изложено в предыдущем предложении. Сюда же относятся те многочисленные примеры, где *причем* оформляет "вторичную" связь. (ср. пр. 1) Но возможны также и другие разновидности этой уточняющей функции – к ним следует также причислять инклюзивную семантику, представленную в примерах типа 9 и 10. В качестве подвида этой инклюзивной семантики рассмотрим теперь случаи, где происходит как бы **расщепление** множества референтов, указанного в первом конъюнкте. К примеру приведем следующее предложение:

12) Иногда возникают дублетные формы [...], причем в одних случаях большую жизненность обнаруживают формы с *-ка* [...], в других более употребительными оказываются наименования на *-ша, -иха* [...]. (Протченко)

В повествовательных текстах в такой ситуации опять возможно употребление глаголов совершенного вида с нестандартным значением временного совпадения:

13) Велосипедисты с громким криком "Ап!" соскочили с

машин и *раскланялись*, причем *блондинка* посылала публике воздушные поцелуи, а *малютка протрубила* смешной сигнал на своем гудке. (Булгаков)

Как видно, при этом не исключено одновременное выступление несовершенного вида (*посылала*) при характеристике другого элемента (*блондинка*) из данного множества (*велосипедисты*). Кроме того, приведенный пример примечателен тем, что дает возможность проиллюстрировать различное поведение коннекторов *и* и *причем* в аспектуальном отношении: так, цепочка *соскочили ...и раскланялись* воспринимается как описание временной последовательности двух различных действий, а цепочка *раскланялись ... причем ... протрубила* – как описание двух одновременно осуществляемых действий, второе из которых лишь уточняет первое³.

Подобное расщепление ситуации наблюдается и в тех немногочисленных примерах, где *причем* вводит комментарий. Посмотрим следующий пример:

14) у #на...# у меня есть знакомая девушка, её зовут Женни, в честь Женни Маркс. ну конечно её все зовут Евгения. *причём* странное сочетание, Женни Ивановна. (смех)
(Машинный фонд)

Здесь расщепление не заключается в том, что отдельным элементам данного множества даются различные характеристики. Вместо того, ситуация в данном случае рассматривается как бы под двойным углом зрения : сначала представляется фактографическая сторона, потом идет ее оценка. Иными словами, в данном примере союз *причем* функционирует как сигнал "риторического действия говорящего" (в смысле раб. Иорданская 1992); подобные примеры будут обсуждаться ниже при рассмотрении тех случаев, в которых соединяемые конъюнкты относятся к иллюкутивному уровню (пр. 30 – 43).

---

³ Ю. Д. Апресяну мы обязаны указанием на то, что в определенных контекстах это нестандартное значение совершенного вида появляется даже при союзе *и*: так, в следующем примере первые два описываемых действия воспринимаются как одновременные: "Он съел свой завтрак и прочитал газету, после чего отправился на работу". Подобный пример приводится ниже, ср. 26а).

В только что приведенном примере оценка, содержащаяся в предложении с *причем*, носит метаязыковой характер. В повествовательных текстах встречаются также примеры, где визуально воспринятое поведение действующего лица впоследствии интерпретируется наблюдателем как выражение его внутреннего состояния:

15) Женщина повернулась, прищурилась, *причем* на лице ее *выразилась холодная досада*, и сухо ответила по-гречески :
(Булгаков)

16) А иностранец окинул взглядом высокие дома, квадратом окаймлявшие пруд, *причем заметно* стало, что видит это место он впервые и что оно его заинтересовало. (Булгаков)

Отметим, что в обоих примерах опять проявляется нестандартное значение совершенного вида (одновременность двух событий). В других случаях предложение с *причем* описывает внутреннее состояния наблюдателя, переживаемое им при восприятии действующего лица :

17) Тот, что жарил мясо, повернулся, *причем ужаснул буфетчика* своими клыками, и ловко подал ему один из темных дубовых низеньких табуретов. Других сидений в комнате не было. (Булгаков)

Наконец, возможно и одновременное описание акустического и зрительного восприятия:

18) Описание ужасной смерти Берлиоза слушающий сопровождал загадочным замечанием, *причем* глаза его вспыхнули злобой : ... (Булгаков)

Итак, сложные предложения с *причем* несомненно позволяют разложить одну и ту же ситуацию в два или больше различных аспекта; веским формальным показателем этой семантики можно считать появление совершенного вида со значением одновременности. Примечательно, что такая же возможность имеется при употреблении **деепричастий** совершенного вида в постпозитивном положении. Для иллюстрации воспользуемся примером, приведенным в свое время И.Мельчуком (устно):

19а) Поцеловав ее, он ее оскорбил.

≠ б) Он ее оскорбил, *поцеловав* ее.

Эти два варианта описывают две весьма различных ситуации: в а) представлена последовательность двух отдельных действий (сначала он ее поцеловал, а потом оскорбил), тогда как в б) говорится об одном действии (он ее поцеловал) и его оценке (тем самым ее оскорбил), причем, на наш взгляд, еще остается открытым вопрос, кому принадлежит эта оценка (говорящему и/или пациенту?). По поводу значения 'тем самым', проявляющегося при постпозитивных деепричастиях, показательно, что пишет Богуславский (1977: 271) : "Значение 'тем, что' принципиально отличается от причинного значения, с которым оно на первый взгляд сходно. При каузации речь идет о двух разных событиях А и Б, одно из которых является причиной другого. При значениях 'тем, что' и 'тем самым' имеется только одно событие А, которое и н т е р п р е т и р у е т с я говорящим как Б. Иначе говоря, Б з а к л ю ч а е т с я (или п р о я в л я е т с я) в А."

Таким образом, постпозиция деепричастия совершенного вида здесь служит такой же цели, как и предложение с *причем*: она позволяет нам расчленив данную ситуацию на два различных аспекта⁴. Поэтому особенно любопытно рассмотреть такой случай, где оба средства выступают в том же предложении:

20) Хитрость финдиректора не ускользнула от Варенухи, который спросил, *передернувшись, причем* в глазах его мелькнул явно злобный огонь: .(Булгаков)

Как и следовало ожидать, деепричастие и предложение с *причем* выполняют здесь сходную функцию, дополнительно характеризуя действие *спросил*. При этом примечательно накопление трех форм совершенного вида, относящихся к одному и тому же моменту.

Тем не менее, деепричастная конструкция и предложение с *причем* не всегда полностью взаимозаменяемы. Так, в только что приведенном примере замена деепричастия на *причем* не вполне удовлетворительна:

⁴ Подробнее это свойство данного типа деепричастия обсуждается в Богуславский (1977) и Růžička (1980): 175 сл.

19б') *Он ее оскорбил, *причем* поцеловал ее.

≠ б'') ?Он ее поцеловал, *причем* ее оскорбил.

Первый вариант противоречит запрету на инструментальную семантику, характерному для *причем* (последнее никогда не синонимично коннектору *тем, что..*), но и вариант б'') с противоположной последовательностью не намного лучше : по-видимому, имплицитный смысл *тем самым*, присущий деепричастию в предложении 19б), препятствует употреблению союза *причем*. Дело в том, что *причем*, правда, не исключает переосмысление всей ситуации, ср. примеры 15 – 16, где наблюдатель интерпретирует поведение действующего лица как выражение его внутреннего состояния; однако эта интерпретация получается случайным образом, она не вытекает из описанных в первом конъюнкте фактов в силу каких-нибудь общих, заранее заданных правил, как это происходит в случае коннектора *тем самым*. Иначе говоря, с помощью коннектора *тем самым* мы даем читателю понять, что данная интерпретация для него воспроизводима, между тем как в случае *причем* мы лишь сообщаем ему о том, что какой-то воспринимающий субъект именно так интерпретирует свои наблюдения. Следовательно, если вариант 19б'') вообще имеет смысл, то, в отличие от первоначального деепричастного варианта 19б), оскорбление как раз заключается не в поцелуе, а в чем-то другом.

Таким образом оказывается, что значение коннектора *причем* несовместимо с любой разновидностью "односитуативной" модели. Заметим, что и союз *и* в данном контексте не "работает" без дополнительного указателя желаемого смысла:

19б''') Он ее поцеловал и оскорбил.

б''') Он ее поцеловал *и тем самым* оскорбил.

В других случаях деепричастный оборот лишь уточняет глагольное действие; особенно четко проявляется эта функция тогда, когда глагол, к которому относится деепричастие, является гипонимом (видовым понятием) главного глагола, как это имеет место в примерах типа:

21) Он шел по тропинке хромя.

На этот раз, разумеется, требуется несовершенный вид деепричастной формы, и ее позиция по отношению к главному сказуемому не закреплена. Замена на *причем* здесь возможна, если описание данного действия уточняется дополнительно еще чем-нибудь, ср.

21a) Он шел по тропинке, причем сильно хромал.

С другой стороны, союз *и* звучит хуже, хотя и встречается нередко:

21б) ?Он шел по тропинке и (сильно) хромал.

Следует между прочим добавить, что дополнительные контекстуальные факторы могут облегчить соединение двух подобных предикатов союзом *и*. Так, предложения типа *X чавкает* вызывают в нормальных обстоятельствах (т.е. в силу default function) ассоциацию *X ест*⁵. Тем не менее, следующий пример не вызывает возражений:

22) Прохор ел за троих и громко чавкал. (Шишков)

Происходит это, видимо, потому, что оба глагола распространяются своими обстоятельствами; это приводит к расщеплению описываемой ситуации на два относительно самостоятельных аспекта. В пользу указанной интерпретации говорит наблюдение, что данное предложение становится гораздо менее приемлемым, если снять расширения:

22') ?Прохор ел и чавкал.

Самым удачным вариантом является здесь деепричастие:

22a) Прохор ел чавкая,

между тем как *причем* скорее опять требует дополнительной характеристики данного действия, нп.:

---

⁵ При ближайшем рассмотрении дело обстоит сложнее. Так, *X чавкает* обычно имплицитно вызывает ассоциацию *X жует*, что в свою очередь вызывает ассоциацию *X ест*. Но с другой стороны, вполне мыслима ситуация без жевания, нп. когда дряхленький деятель произносит речь, и если даже верно *X жует*, из этого не обязательно следует *X ест* (достаточно представить себе жвачку).

226) Прохор ел, причем громко чавкал.

Эти наблюдения позволяют сделать следующее заключение : деепричастная конструкция и предложения с *причем* обладают общей чертой, так как обе могут выразить дополнительный аспект той же ситуации, которая описана в другом конъюнкте (т.е. обычно в главном предложении). Различие между ними состоит в том, что смыслы *тем самым* и *тем, что*, заставляющие нас переосмыслить всю описанную ситуацию, могут выражаться только постпозитивным деепричастием совершенного вида, а не предложением с *причем*. Для последнего более характерна тенденция к уточнению или добавлению частного аспекта ситуации, что, впрочем, также не чуждо деепричастию; если же предложение с *причем* содержит новую оценку всей ситуации, это выглядит случайным добавлением, поскольку оценка принадлежит наблюдателю и не вытекает автоматически из описанных в главном предложении фактов.

Кстати, общая пригодность двух данных конструкций для "односитуативной" модели вряд ли случайна : ведь и для деепричастных конструкций как раз характерна их референциальная зависимость от главного предложения (необходима кореференциальная связь нулевого подлежащего с подлежащим либо с темой второго конъюнкта)⁶. Поэтому вопрос о двух или одной ситуации возникает также при анализе деепричастных конструкций. Следует, однако, признать, что в общем эти конструкции куда менее тяготеют к полюсу "односитуативности" чем предложения с *причем*, поскольку они могут свободно выражать отдельные действия, сопровождающие главное действие или предшествующие ему; напомним, что "односитуативное" прочтение в рассмотренных примерах было подсказано формальными показателями (совершенный вид, постпозиция деепричастной конструкции, просодическое единство с главным предложением, рематическое выделение деепричастия) или определенным лексико-семантическим отношением между

---

⁶ Более подробный разбор различных типов кореференциальной связи при деепричастных конструкциях и отклонений от требования кореференциальности дан в раб. Weiss, 1990:69-71.

деепричастием и главным предикатом. "Прототиповое" же употребление деепричастной конструкции заключается не в оформлении "односитуативной" модели, но в создании такой обстановки, где одна ситуация служит задним планом, перед которым выделяется другая; такое же отношение "фигуры" и "фона" характеризует сложноподчиненные предложения⁷, союзу же *причем* оно не свойственно.

Наконец, создается впечатление, что союз *и* без дополнительных указателей меньше всех способен к оформлению сложных предложений, в которых оба члена описывают одну и ту же ситуацию, поскольку конъюнкты здесь трактуются как однородные и равноправные. Отдельного комментария требуют, однако, те случаи, когда *и* появляется внутри сочетания так наз. двойных глаголов (см. ниже)⁸. Данная характеристика этих трех коннекторов представлена в следующей шкале:

<i>и</i>	>	деепричастие	>	<i>причем</i>
две ситуации				одна ситуация

При этом следует подчеркнуть, что эта схема дает представление лишь об общей пригодности сопоставляемых конструкций для выражения "односитуативной" семантики; в коммуникативной организации предложения она отражается необязательно. В частности, там, где деепричастие функционирует внутри "односитуативной" модели, оно может вместе с главным предложением составлять одно просодическое целое, оформляя нп. его рему (ср. 20, 21а); напомним, что это же самое свойство присуще сложноподчиненным предложениям. Предложения же с *причем* всегда просодически обособлены и тем самым не способны входить вместе с первым конъюнктом в тематико-рематическое единство, что и приближает их к сложносочиненным структурам.

⁷ Об общих апперцепционных свойствах отношения фигуры и фона и его применении для анализа сложных предложений ср. Talmy 1976.

⁸ Другие исключения имеют чисто лексическую основу. Так, в рассмотренном в статье Богуславский, 1988: 16 примере *Он изловчился и схватил пса за ошейник* союз *и* вместе с другим (формальным) конъюнктом составляют на самом деле второй актанта глагола *изловчиться*; тем самым мы имеем здесь дело с одной единственной ситуацией.

Хотелось бы включить в это сопоставление еще и четвертый вариант : как известно, в русской разговорной речи встречаются так наз. **двойные глаголы** типа *пойдем погуляем* или *сидит плачет*, отличающиеся от обыкновенных бессоюзных сочетаний отсутствием паузы между обоими членами⁹. И в этих примерах безусловно возникает вопрос, имеем мы дело с одной или двумя ситуациями. Интересно, что уже первый исследователь данных конструкций пишет по этому поводу: "Так, в работах я встретил: „Сестра *стояла* на столе *держала* лампу"; „Я *поеду* их читать *научу*". Было бы непростительно грешно исправлять в сочинениях эти фразы учеников, например, так: „Сестра *стояла* на столе и *держала* лампу"; „Я *поеду* и их читать *научу*", потому что здесь не два различных действия – *стояла* и *держала*, *поеду* и *начну*, – а одно: *стояла-держала*, *поеду-научу*"¹⁰. Что наводит однако на такую мысль? Видимо, это в первую очередь **формальная слитность** подобных сочетаний. Проявляется она не столь в их односубъектности (эта последняя ведь также характерна и для сочетаний с деепричастиями), но прежде всего в их просодическом единстве: в контактной позиции (т.е. при непосредственном соседстве обоих глаголов) произносятся они без паузы и с акцентуированием лишь второй части, ср. *сидит плачет*¹¹. Кроме того, как отмечено в раб. Шведовой (1960): 58 сл., в таких случаях как "слушаю сижу *твои разговорчики*" или "народ *на нас* стоит смотрит" уже словопорядок указывает на неразделимое синтаксическое единство глагольного сочетания, поскольку дополнение в них соседствует не с подчиняющим его глаголом, а с его непосредственным партнером. Ср. еще следующий пример из нашего корпуса:

⁹ Термин "двойные глаголы" заимствован из раб. Земская, 1987: 145. обстоятельный разбор различных типов этих конструкций предлагается в Шведова, 1960: 57-67, их значение для "малого синтаксиса" русского языка обсуждается в Апресян, 1986: 63 сл. Отметим, кстати, что в шутовском употреблении встречаются даже "тройные глаголы", ср. *стоит молчит звереет* или *сидит сопит балдеет*.

¹⁰ Н.Милов 1913 (процитированный в раб. Шведова, 1960: 62 сл.).

¹¹ Как известно, такая же просодическая цельность встречается и в сочетаниях с деепричастиями, ср. *Х сидит плача*, но там она характеризует лишь узкую подгруппу примеров.

22) Вхожу к ней, сидит, вечерний чай пьет, с бубликами. Квартирка однокомнатная, вся мебелью и коврами заставленная, в Чертанове живет, на выселках. А я тебя, говорит, сию дожидаюсь. (Ерофеев)

В связи с этим заслуживает внимания факт, что существует также вариант с сочинительными союзами *и* или *да*, ср. *сидит и плачет, ходил да посмеивался*, обладающий такой же просодической и синтаксической сплоченностью как и бессоюзный вариант, ср. *и я все это сию да слушаю*. Таким образом получается трехступенчатая шкала формальной слитности, которая иконически отражает переход от сочетания двух отдельных фактов к их осмыслению как одного единственного факта¹²:

сочинение	Я сиж'у и сл'ушаю все это
	Я все это сию и сл'ушаю
двойные глаголы	Я все это сию сл'ушаю

Такое понимание постепенного перехода от сочинения двух предикатов к одному сложному предикату хорошо укладывается в рамки общей трактовки сложного предложения, лежащей в основе работ Weiss, 1989 и -90б. Но для изучения конструкций с *причем* эти наблюдения не приносят никакой пользы. Дело в том, что для данного коннектора формальная слитность конъюнктов не характерна: об относительном (нарушенном, однако, именно присутствием союза!) синтаксическом единстве может быть речь лишь в случае "вторичного" употребления, ср. наши примеры 1 и 2, а просодическая цельность, как упоминалось выше, совсем отсутствует – напомним, что два соединяемые союзом *причем* конъюнкта никогда не будут соотноситься друг с другом как тема и рема одного коммуникативного целого.

¹² Мысль, что большей формальной цельности соответствует большая концептуальная близость данных двух конъюнктов, конечно, не нова. На материале других языков она прослеживается нп. в раб. Naiman, 1985: 117 сл., где сопоставляются пары типа *naive sentimental lover ≠ naive and sentimental lover*. Что касается русского языка, сюда относятся нп. сочетания существительных типа *отец-мать, братья-сестры, хлеб-соль, птицы-звери* итп., известные из народной словесности.

Кроме того, от предложений с *причем* двойные глаголы отличает еще одна весьма важная черта : один из их членов (обычно занимающий первую позицию и неударный) лексически связан, поскольку почти всегда относится к довольно узкому кругу глаголов, обозначающих состояние типа *сидеть, лежать, стоять* или перемещение типа *идти, ехать, лететь* итп¹³. Другой глагол обозначает действие, осуществляемое как бы на фоне этого состояния или перемещения. Описанная семантическая характеристика двойных глаголов предопределяет, кстати сказать, также характер их общего субъекта: в подавляющем большинстве случаев им является одушевленное имя. Само собой разумеется, что предложения с *причем* не подлежат каким-либо подобным ограничениям.

С другой стороны, двойные глаголы описанного типа отличаются одним нелексическим семантическим свойством, которое приближает их к предложениям с *причем*: они предполагают полное совпадение обоих глагольных форм во времени¹⁴. Строчения с *причем* в этом отношении однако менее ограничены, поскольку допускают также временное включение второго конъюнкта в первый.

Явление двойных глаголов характерно именно для русского языка и отличает его от большинства европейских языков. Существует, однако, широкий круг языков, где

¹³ Таково ограничение, приведенное в раб. Шведова, 1960. Земская, 1987: 145 указывает на явные отклонения от этого правила вроде *Ешьте не беспокойтесь* или *Читайте не спешите*. Такие отклонения встречаются, однако, только при императиве.

¹⁴ Временное совпадение в строгом смысле снимается тогда, когда оба глаголы представлены формами совершенного вида, ср. обсуждаемые в раб. Шведова, 1960: 60 примеры типа *сяду подумаю, поди погуляй* или *пошла заплакала*, где первый глагол описывает предварительный шаг к осуществлению действия, описанного вторым глаголом, и мыслится скорее всего как его часть. Таким образом, к выше отмеченным двум нестандартным значениям цепочки двух глагольных форм совершенного вида, наблюдаемым в случае пост-позитивного деепричастия и предложений с *причем* (см. выше, пример 12б), добавляется еще третье значение (предварительный этап того же действия); семантическим инвариантом всех трех рассмотренных типов следует как раз признать односитуативное прочтение данной цепочки.

подобный способ соединения глагольных форм гораздо более полно развит: речь идет о **сериализации** глаголов, выступающей нп. в южновосточной группе азиатских языков (китайский, кхмер, вьетнамский, тай, хмонг) или в целом ряде западноафриканских языков (в частности, хауса). В поисках критериев для определения "односитуативной" модели стоит на наш взгляд хотя бы коротко коснуться вопроса функционирования такой сериализации. Для большей наглядности процитируем сначала из раб. Bisang 1992: 9 одно предложение из языка Кхмер, которое состоит исключительно из глаголов (в числе 7):

23) tɣ`p stùh tɣ`u dɛ̀n sɑp uo`k mɔ`k ʔɑop.

‘Потом (она) вскочила, поймала (утку) и взяла (ее) в руки’.

Как и следовало ожидать, тесная межглагольная связь внутри таких цепочек способствует их стягиванию одним "мысленным ремнем". Недаром один из исследователей сериализации в африканских языках приходит к выводу, что "...in the serial construction the verb phrases necessarily refer to sub-parts or aspects of a single overall event" (Lord 1973: 269). Заметим при этом, что в приведенном примере отдельные глаголы оформляют временную последовательность, что отличает его от рассмотренных выше русских примеров с двойными глаголами; следовательно, оказывается, что полное временное совпадение всех глагольных форм по мнению специалистов по сериализации не является необходимым критерием односитуативности. Кроме того создается впечатление, что вопреки процитированному мнению африканиста, сериализация не всегда сопровождается смыслом односитуативности; так, в следующем примере из вьетнамского языка (Bisang 1992: 34) мы имеем дело с эквивалентом условного сложного предложения:

24) Muốn biêt duoc thua phai di hoi
хотеть знать выиграть проиграть должен идти спросить

‘Если хотите узнать, выиграли ли (вы) или проиграли, (вам) придется пойти и спросить’.

В литературе о сериализации обсуждается кроме того целый ряд других употреблений, которые не свойственны союзу *причем*: так, обращается внимание на результативные

и каузативные конструкции, конструкции с включением второго конъюнкта в актантную позицию внутри первого конъюнкта (нп. после миропорождающих глаголов типа *думать*, *считать*) итп. Мало того: по Bisang 1992: 10 с понятием сериализации в широком понимании совместимы даже случаи с изменением субъекта внутри данной глагольной цепочки. В целом экскурс в область сериализации оказался для нашего предмета мало целесообразным, поскольку понятие односитуативности представляется в литературе предмета довольно расплывчатым (может потому, что оно трактуется слишком широко) и не удалось найти каких-либо общепринятых критериев, позволяющих для любого примера из любого языка с точностью определить, относится ли он к одному- или двуситуативному типу.

С другой стороны, ограничение анализа фактами лишь одного отдельного языка может привести к нежелательным результатам, поскольку лексемный состав данного языка иногда подсказывает ложное заключение: так, простой немецкий глагол *holen* (*идти за ...*, нп. *хлебом*) передает тот же смысл, который в языках, более склонных к аналитизму, описывается с помощью двух или больше глаголов, ср. франц. *aller chercher*. Однако из этого вряд ли следует, что во французском примере представлена последовательность двух действий, между тем как в немецком данное действие мыслится как единое. Вернее было бы считать, что аналитическая модель разлагает данную единую ситуацию на отдельные фазы, чем кстати отнюдь не предопределяется его лексический статус (одна или две лексические единицы?).

Ввиду того, что было сказано выше по поводу двойных глаголов в русском языке, напрашивается еще одно возражение: есть ли вообще смысл определять, с какого момента данный набор фактов воспринимается как единая ситуация, а не как две или три? Не является ли более обоснованным подход, допускающий существование различных промежуточных степеней между одно- и двуситуативным полюсами? При таком подходе подсчитываются для каждого отдельного случая все формальные, семантические и эвентуально прагматические критерии, которые говорят в пользу односитуативной

интерпретации; чем больше таких критериев накапливается, тем больше данный пример тяготеет к односитуативному полюсу. Думается, что такая картина вернее отражает языковую действительность.

Шкаларное понимание понятия ситуации имеет, кстати, весьма любопытную параллель. В раб. Wierzbicka, 1988: 169-223 развивается мысль, что часть человеческого тела может восприниматься как более или менее самостоятельный объект; в зависимости от этого событие, затрагивающее эту часть тела, будет мыслиться как затрагивающее в большей или меньшей степени ее носителя. Так, по поводу трех вариантов '*Pierre a lavé sa tête - Pierre s'est lavé sa tête sale - Pierre s'est lavé la tête*' автор пишет (с. 174): "Thus, French provides the means for viewing a part of the body in three different ways: (a) as an object like any other object; (b) as an object independent of but intimately related to the person; and (c) as an aspect of the person himself. Anything that happens to a part of a human body [...] can be viewed as affecting the person, and even as something that happens to a person himself, although it can also be viewed as a purely physical event". Но если естественный язык позволяет нам по-разному представлять даже столь тесную связь, какая имеется во внеязыковом мире между головой и телом, то почему бы он не обладал такой же возможностью при описании целой сложной ситуации, в которую входят различные актаны, сирконстанты и / или предикации?

Поэтому очередная наша задача заключается в том, чтобы составить хотя бы предварительный перечень возможных критериев в пользу "односитуативной" интерпретации. Так, пока удалось выделить два формальных показателя, а именно "вторичную" синтаксическую связь и совершенный вид со значением одновременности. Среди семантических критериев следует в первую очередь указать на референциальную зависимость одного конъюнкта от другого, которая несомненно является необходимым, хотя и не достаточным условием для возникновения "односитуативной" интерпретации. Желательно, однако, уточнить этот критерий: прежде всего имеется в виду кореференциальная связь или референциальное включение (можно спорить, следует ли одинаково трактовать случаи референциального пересечения). Кроме того, референциальное тождество или

включение должно касаться по крайней мере одного актанта в обоих конъюнктах: тождество же, к пр., локальных сирконстантов "не в счет", поскольку такие обстоятельства могут свободно создавать общий фон для описания нескольких различных ситуаций. Зато требуется независимо от присутствия или отсутствия временных обстоятельств полное совпадение обоих конъюнктов во времени.

В качестве частного случая упомянутой референциальной зависимости можно теперь рассматривать уточнение первого конъюкта вторым. Напомним, что сюда относится уже высокий процент всех употреблений союза *причем* в моем корпусе, в частности те 20 процентов из них, где наблюдается "вторичная" связь. Кроме того, эти уточнения могут распространять любой член главного предложения, т.е. актанта, предикат, сирконстант или атрибут; в отличие от этого, при деепричастных конструкциях возможно лишь уточнение сирконстантов, если не учитывать довольно редкие и не вполне правильные случаи вроде следующего:

25) Впервые пролита и столь обильная кровь, что тем более удивительно, учитывая затяжной характер трех предыдущих военных кризисов в 1987-1988 годах. (Правда, 9 дек. 1990)

Деепричастие здесь занимает позицию второго актанта коннектора *тем более*, ср. перифразу *тем более, если учесть...*

К односитуативной модели, кроме того, несомненно следует причислить те (в нашем корпусе очень немногочисленные) случаи, где второй конъюнкт содержит комментарий к ситуации, описанной в первом конъюкте. По поводу результативных конструкций, о которых была речь выше в связи с сериальными глаголами, ограничимся лишь одним наблюдением: в следующей паре посредством союза *и* описывается обычная последовательность действия и его результата, между тем как *причем* как раз указывает на отклонение от обычного хода:

26а) Он повернул выключатель и зажег свет.

б) Он повернул выключатель, причем зажег свет.

Вариант б) уместен, если нп. выключатель раньше выпел из строя, а теперь, вопреки ожиданию, работает. Мыслимы и другие подходящие контексты: так, нп. если производителю

первого действия (*он*) неизвестно, какой эффект вызовет это действие, можно добавить *причем нечаянно зажег свет*. Пользуясь терминологией, принятой для искусственного интеллекта, можно сформулировать следующее заключение: если для описания ситуации (процесса, события итп.) *X* имеется скрипт (по другой традиции: фрейм) и эта ситуация в данном конкретном случае развивается "регулярно", т.е. в полном соответствии с упомянутым скриптом, то говорящий как правило не чувствует надобности называть все фазы или аспекты в отдельности (достаточно сказать или *Он повернул выключатель* или *Он зажег свет*); если же по каким-то причинам приходится все же подробно развернуть описание, подходящим коннектором для оформления связи между отдельными этапами скрипта будет *и*. С другой стороны, если функционирование скрипта каким-то способом нарушается, такое нарушение может сигнализироваться такими союзами, как *но* или *а*. Но при чем здесь *причем*? В только что обсужденном примере он указал на поворот к нормальности, к обычному ходу дел. Рассмотрим еще следующую пару предложений:

27а) Володя пошел к товарищу, *причем его не было дома.

б) Володя был у товарища, *причем* застал его не дома, а на работе.

В варианте а) описывается нарушение скрипта "навещать, заходить в гости"; *причем* для этой цели не годится. Вариант же б) "работает", потому что здесь не включается определенный скрипт (нп., ничего не говорится о возможной договоренности о встрече) и второй конъюнкт вносит только уточнение, где встреча состоялась.

Эти соображения наводят на мысль, что *причем* вообще не пригоден для обслуживания скриптов. Однако этот вывод представляется нам преждевременным: пока количество примеров, засвидетельствованных в нашем корпусе, в которых мы могли бы иметь дело со скриптом, не позволяет сформулировать никаких обобщений (это прежде всего обусловлено слабой употребительностью *причем* в повествовательных текстах). Как бы то ни было, все равно не ясно, какой вклад в нашу тему может внести учет скриптов: в примере с выключателем можно еще согласиться, что *повернуть* и *зажечь*, это два аспекта

(действие плюс результат) одной ситуации, но в таком более развернутом скрипте, как хождение в ресторан, мы вряд ли отнесем каждый отдельный акт к одной и той же ситуации. В конечном итоге приходится констатировать, что слишком емкое понятие "ситуации" нельзя прояснить с помощью понятий "скрипт" или "фрейм", едва ли менее емких.

До сих пор мы совсем не коснулись вопроса, как соотносить понятие ситуации с понятием **пропозиции**. На первый взгляд можно полагать, что нп. в случае "вторичной" связи союзом *причем* одной внеязыковой ситуации соответствует в семантическом плане всегда одна пропозиция. На самом деле это зависит от "глубины" семантического анализа: если нп. разложить лексические единицы на более мелкие смысловые компоненты, число пропозиций возрастет. Но даже если мы выберем более поверхностное определение пропозиции, мы все равно не можем претендовать на полный охват всех употреблений союза *причем*. Дело в том, что любой союз в принципе может соединять вместо двух пропозиций (или двух цепочек пропозиций) два **речевых акта**. К сожалению в литературе предмета нет единого термина для обозначения последней ситуации: Van Dijk 1981 нп. говорит о прагматическом употреблении союза (в отличие от семантического употребления), Halliday 1976 о "внутреннем" употреблении, Lakoff 1984 о "конструкциях речевых актов" и Иорданская 1988 об иллокутивном употреблении). При этом в зависимости от данного союза могут действовать определенные ограничения: так, союзы *оттого что* или *из-за того что* вообще не функционируют на иллокутивном уровне, между тем как союз *раз*, недавно описанный Л. Иорданской (1988), наоборот, предназначен исключительно для иллокутивного уровня. Кроме того, наблюдаются ограничения в сочетаемости различных речевых актов: даже такой довольно универсальный коннектор как *и* не допускает любую комбинацию иллокутивных сил, как в свое время было указано Mittwoch (1976) и Е. В. Падучевой (1985). Для иллюстрации этого положения цитируем из раб. Падучевой (с. 47) следующую пару предложений:

28) Помой посуду, *и куда ты дела веник?

29) Оставь в покое кошку, и почему ты до сих пор не спишь?

На первый взгляд не понятно, почему союз *и* только во втором случае приемлем: ведь в обоих примерах идет сначала побудительное, потом вопросительное предложение, и в обоих случаях имеем общее подлежащее для обоих конъюнктов. На самом деле оказывается, однако, что решающим фактором здесь является не внешняя форма вопросительного или повелительного предложения, а ее (прямая или косвенная) иллокутивная функция: в примере 29 второй конъюнкт выражает упрек и тем самым волеизъявление типа "Засыпай же наконец!", и в силу этой побудительной установки второй компонент согласуется прагматически с первым¹⁵.

Попробуем найти сходные сочетания, соединенные союзом *причем*. Следует заранее сделать одну оговорку: при всем обилии примеров из спонтанной разговорной речи (67 примеров) мой корпус не содержит ни одного явного случая сочетания двух различных иллокутивных сил. Следующий отрывок к пр. не выполняет требуемое условие:

30)	<197>	А	Вот эти все муринские, это...
	<198>	Б	Да, это деревня, это деревня.
	<199>	А	Это деревня, да ?
	<200>	Б	Причём знаете что интересно? ведь (откашливается) думают что слово вот название Мурино происходит от "мурин", чёрт, (Машинный фонд)

Вопросительное предложение, вводимое союзом *причем*, не относится к чисто информационным вопросам (говорящий ведь вообще не предоставляет собеседнику возможности отреагировать); оно имеет скорее предварительный характер, поскольку предсказывает особенно существенную дополнительную информацию. Опять ощущается здесь явное "риторическое действие говорящего" (см. выше, пр. 14). Похоже обстоит дело в следующем примере:

---

¹⁵ Следует, кстати, отметить, что пример 28 допускает подобную прагматически согласованную интерпретацию, особенно при наличии специфической упрекающей интонации и добавочных лексических показателей типа *Помой наконец посуду*; поэтому звездочка при примере 28 оказывается сомнительной.

31) Понимаешь, это должно быть место. Нет, это должно быть место. Понимаешь, должно быть место. Тань, ну это нельзя петь с эстрады. Понимаешь, это... Причём учти такую вещь, у неё ещё слов непонятно, ни одного слова. А она, там значит, бьёт ногой, и что-то вроде, знаешь ли, такой там значит мелодики. (Машинный фонд)

Форма повелительного наклонения *учти* здесь не меняет ассертивную установку, характерную для всего фрагмента¹⁶. То же самое верно для следующего примера:

32) Ольга Степановна, безусловно, женщина жертвенного склада, а это высший тип женщины. Но не забывайте, она мать двоих детей, она должна работать, а наш работодатель не жалуется конструкторов, их жен и их детей. Вот и задумаешься, дорогой Саша! Особенно когда дети хотят есть, *причем, заметьте*, не раз в день, а три. Вы еще, дорогой мой, не знаете истинной жизни, все еще витаете в облаках. (Рыбаков)

Форма императива здесь оформляет ассертивную или точнее напоминающую иллюкцию. В силу своей просодической обособленности она как бы наслаивается на существующую вторичную, т.е. уже в свою очередь добавочную синтаксическую структуру, выражаемую союзом *причем*.

Иногда в предложении с *причем* встречается глагол, который уже полностью заслуживает названия перформатива:

33) На въезд в Москву получи визу – тогда и въезжай, а так сиди дома, не рыпайся, по ночам иначе будет сниться, кричишь, бывало, во сне, на расстоянии ночи в дороге, *причем приведу факт*: туда поезд ходил переполненный, мест нет, как в метро, спят на багажных полках, зато обратно, бывало, в общем вагоне, доезжала почти одна-одинешенька. (В. Ерофеев)

Но и этот пример не отличается от предыдущих в том плане, что оба конъюнкта охарактеризованы той же ассертивной иллюкцией.

¹⁶ Обращает внимание, что сходный пример из английского языка приводится в раб. Лакофф, 1984: 476: *I'm staying because consider which girl pinched me!* По автору, *because* обычно не сочетается с повелительным наклонением, ср. нп. недопустимое **I'm staying because find out which girl pinched me!*, но форма *consider* как и его русское соответствие *учти* (ср. выше) функционирует не как побуждение, а как ассерция заранее уже известного факта.

Для дальнейшей проверки поведения союза *причем* на уровне речевого акта были построены следующие примеры, некоторые из которых столкнулись с полным одобрением опрошенных информантов:

34) Вы уже обедали сегодня? *Причем я спрашиваю* об этом не из любопытства.

35) Сколько вам лет? *Причем* это интересует не только меня.

36а) Ты не можешь мне объяснить, как пользоваться этой штукой? *Причем попробуй* выразаться как можно проще, я же не специалист.

б) Ты не можешь мне объяснить, как пользоваться этой штукой? *Причем прошу* тебя выразаться как можно проще...

в) Объясни мне, как пользоваться этой штукой! *Причем прошу* тебя...

По-видимому, возможны весьма различные комбинации формальных типов предложений: вопросительное + повествовательное (34, 35, 36б), вопросительное + побудительное (36а), побудительное + повествовательное (36в). Но дело не в этом: бросается в глаза факт, что во всех приведенных вариантах первый и второй конъюнкты входят в один и тот же речевой акт. Функция предложения с *причем*, т.е. второго конъюнкта, при этом бывает различна: в 34 объясняется мотивировка вопроса (эта иллокутивная функция эксплицируется во втором конъюнкте посредством перформативного глагола *спрашиваю*); данная цепочка может к пр. предварять предложение сходить вместе в кабак (пообедать). В 35 уточняется круг "отправителей" вопроса, а в 36 мы имеем дело с просьбой, причем второй конъюнкт уточняет способ выполнения этой просьбы. Отметим попутно, что за исключением 35 все приведенные примеры связаны с соблюдением грайсовских конверсационных максим или максимы такта.

Небезынтересно, что следующие два примера считались уже менее удачными:

37) Сходи на собрание, ?причем не забудь взять партбилет!

38) Ты лучше сходи к зубному врачу, ?причем не попади к этому коновалу!

Думается, что меньшая допустимость здесь обусловлена тем, что иллокутивные силы двух конъюнктов не совсем совпадают: первый содержит совет, а второй - предостережение. *Причем* также неуместно, если в последующей фразе уточняются условия успешности:

39) Ты не могла бы вынуть тарелку из шкафа? *Причем ты вообще достанешь?

Зато в принципе проходит сочетание ассертивного и восклицательного предложений, ср.

40) Наша команда опять выиграла, *причем* с каким счетом!

Желательно, однако, согласование оценок, содержащихся в обоих конъюнктах. Так, следующий пример вызвал у некоторых информантов возражение:

41) Она вообще стройная девушка, *причем* какие у нее ноги!

По их мнению, *причем* здесь вносит элемент пренебрежительности, поэтому нельзя нп. добавить положительную характеристику данных ног (*причем* какие у нее замечательные ноги). В качестве второго конъюкта мыслим также риторический вопрос, как это имеет место в следующем примере с *хотя*¹⁷:

42) Они заучили слова о героизме нашем, о гуманности нашей, хотя о какой гуманности может идти речь, когда было уничтожено 60 млн. наших сограждан. (Книжное обозрение 27/1990)

Не удалось пока найти подобных засвидетельствованных примеров с *причем*. Следующая цепочка, однако, вполне приемлема:

43) Нет, она не его сестра. *Причем* о какой сестре вообще может идти речь, если родители его не известны!

---

¹⁷ Интересно, что уступительные союзы в различных языках особенно легко поддаются прагматическому употреблению и в частности сочетанию с риторическими вопросами. В немецком и голландском это сопровождается их большим просодическим (паузой) и синтаксическим (обращенным порядком слов) отделением от главного предложения, ср. нем. ...*obwohl* - *von welcher Humanität kann hier schon die Rede sein?* Подробнее об этом: König e.a., 1988.

В общем следует однако констатировать, что риторический вопрос редко входит как часть в единый речевой акт, как это, видимо, требуется от союза *причем*. Для него, по-видимому, более характерна роль отдельного речевого акта, подчиненного предыдущему “главному” акту (“master speech act”); отсюда нп. частое появление риторических вопросов, вводимых союзом *да и* и мотивирующих высказывание о не состоявшемся факте¹⁸, ср.:

44) Я ничего не отвечал, да и зачем мне было отвечать?
(Тургенев)

Остается еще выяснить, годится ли *причем* для соединения двух актов речи, совпадающих по иллокутивному типу, но не по пропозициональному содержанию. Для этой цели вернемся еще раз к примеру 29:

29') Оставь в покое кошку, *причем почему ты до сих пор не спишь?

Явная недопустимость такой подстановки показывает, что принадлежность обоих конъюнктов к той же иллокуции нельзя считать достаточным условием для употребления союза *причем*.

Все сказанное свидетельствует о том, что *причем* в принципе может функционировать как на уровне пропозиции, так и на уровне иллокуции, но в последнем случае оно не соединяет два различных речевых акта, но лишь модифицирует или уточняет иллокуцию, заданную первым конъюнктом. В таком употреблении явно ощущается метатекстовая интервенция говорящего, что и дает нам основание трактовать *причем* как “риторический союз” в смысле раб. Иорданская 1992. Таким образом, мы выявили еще одну разновидность односитуативной модели: *причем* может функционировать как средство связи внутри одной и той же иллокуции. Как это ни парадоксально, формальным показателем такой согласованности по иллокутивной функции как раз служит несогласованность по грамматическому наклонению и / или по перформативному глаголу (ср. пример 33, где представлено совпадение наклонения, но не

¹⁸ Подробнее об этом: Шувалова, 1988: 130 сл.

перформатива). В возможности появления особого показателя иллокуции в предложении с *причем* несомненно следует усматривать еще одну черту, характерную для сочинительной связи¹⁹.

Хотя оформление односитуативной модели предстает стандартным, как будто каноническим значением союза *причем*, приходится указать на примеры, которые не укладываются в рамки изложенной гипотезы. Так, следующее предложение в данном отношении по крайней мере затруднительно:

45) Кора лиственницы и ели является хорошим дубителем, причем кора лиственницы идет еще на приготовление краски и спирта.

Хотя здесь наблюдается частичное референциальное тождество, связывающее конъюнкты (*кора лиственницы*) и имеется общая тема (пригодность этой коры для различных целей), по применяемым до сих пор критериям нет основания счесть, что данное предложение описывает одну единственную ситуацию; препятствует этому различие предикатов, приписываемых коре лиственницы. Еще более сомнительно наличие односитуативной семантики в тех случаях, где один или оба конъюнкта охватывают более чем одно предложение. Такое положение дел наблюдалось уже в примерах 31 и 33, где первый конъюнкт состоял из цепочки самостоятельных предложений, причем даже нельзя с точностью определить, где именно эта цепочка начинается²⁰. И, наконец, в следующем примере отклонение от односитуативной модели бросается в глаза:

46) Бходила, волоча ногу... я не знаю, вот эти вот косточки, когда я легла, они были совершенно несимметричны. одной не было вообще, она была где-то здесь, а эта вылезла. и я

¹⁹ Подробнее о несовместимости подчинительной связи и отдельной иллокуции см. Lehmann, 1988: 193 сл. (там же об ограниченном выборе модуса в придаточном предложении) и Weiss, 1989: 311-313.

²⁰ Такая размытая граница многофразовых конъюнктов довольно характерна для устной речи; она проявляется также при других союзах, см. приведенный в раб. Weiss, 1989: 297 сл. пример с союзом *так что*.

ходила вот так. и ногу волочила. *причём*, однажды у меня было сорок, и моя хозяйка вызвала мне врача, не говоря ничего мне. а я убежала. от боли я не могла ни лежать, ни сидеть – ничего. и я куда-то убежала. в какие-то театры я ходила, в кино, вот так сидела ничего почти не сознавая. смотрела сеансы лишь бы убежать от этой боли. и... пришёл врач, старичок какой-то, видимо очень опытный, она симптомы ему рассказала, и хотя меня не было дома, он задал такой вопрос, скажите, говорит, она не хромает? она ответила : нет. на следующий день или через два дня я захромала, тогда я поверила, что старичок знает истину о моей болезни и я должна достукаться именно к нему попасть. я отправилась в поликлинику и стала его разыскивать. а мне сказали, что он тяжело заболел и не скоро выйдет на работу и что он меня очень ругал, что вот я пришёл к ней специально, а она ушла. но я не знаю, она меня не предупредила, что вызвала врача, надеялась, что я-то с температурой сорок никуда не выползу. вот. так что он, видимо, предполагал всё-таки что это такое и сказал мне первый диагноз, вот навёл на мысль о тяжёлом заболевании позвоночника, гомеопат. как ни странно. к частнику я уже прорвалась к какому-то знаменитому он сказал : вам надо лечь на исследование у вас что-то с позвоночником. нарушена подвижность. что-то очень серьёзное. потом вот... всю эту петрушку нашли. а врач институтский, когда я принесла ей диагноз, сказала, что вот... там освободите меня от чего-то, надо было от каких-то последних занятий, она он говорит : я бы дал вам медаль за героизм или за что-то ещё за отвагу. ходить с такой болью, с такими вообще показателями весь семестр. а я полгода. (Машинный фонд)

Где бы мы ни отметили конец второго конъюнкта, нельзя отрицать, что он охватывает больше чем одно предложение: начиная от *однажды*, рассказчица развертывает целую историю для того, чтобы иллюстрировать мужество, с каким она переносила боль. В следующем примере второй конъюнкт содержит метапредикат *история*, который явно сигнализирует о включении целого нарративного эпизода:

47) вот. она давно защитила, вот эта вот девчонка-то Дуся, она защитила, причём там тоже интересная была история. она на последних курсах выхо, вышла замуж... (Машинный фонд)

Весь этот эпизод занимает в письменной записи свыше полстраницы. Оба последних примера не поддаются даже

самому гибкому определению односитуативности. Дополняющая функция союза *причем* в них достигает своего предела: присоединяется уже не новый аспект ситуации, описанной в первом конъюнкте, а развивается целая новая подтема, отдельная история в истории. Количество таких примеров в моем корпусе весьма небольшое, но тем не менее их нельзя не учитывать.

Пора подвести итоги. Из разбора приведенных примеров следует, что необходимым условием для функционирования союза *причем* является тождество иллюкутивной функции в обоих конъюнктах. Кроме того, стандартное ("прототипическое") употребление этого союза предполагает принадлежность обоих конъюнктов к одной и той же ситуации. Последнее понятие понимается довольно узко: требуется кореферентность хотя бы одного актанта в обоих конъюнктах или референциальное включение и совпадение обоих предикатов по времени. Допускается, однако, возможность ступенчатого перехода от одной к двум различным ситуациям, что позволяет при надобности включать в периферию односитуативной модели другие семантические интерпретации, нехарактерные для *причем*, в том числе описание различных фаз одного процесса, действия + его результата итп.

Сказанное приводит к следующей не очень хитрой попытке толкования данного союза:

X, причем Y = X, и к тому же добавлю Y (Говорящий представляет факт *Y* или высказывание "*Y*" как дополнительный аспект факта *X* / высказывания "*X*").

Отметим, что введение метапредиката типа *добавлю* в описание лингвистических единиц само в себе не ново. Кроме указанных работ Л. Иорданской, где подобные метапредикаты появляются в толковании лексических единиц (союзов), такой прием применяется также в раб. Урысон 1990, где он употребляется для описания синтаксических конструкций: всеми выделенными авторами трем типам обособления приписывается в толкованиях общая рамка "*говорящий предупреждает слушающего, что...*", соответствующая просодической паузе (либо знакам препинания), характерной для обособления. Как известно, впервые такие метатекстовые предикаты рассматривались в раб. Wierzbicka, 1971/78, на которую и ссылается Урысон (1990).

Из предложенного выше толкования следует, что союз *причем* не "обслуживает" все случаи, допускающие односитуативное прочтение. Вне описанной разновидности односитуативности остается напр. пара "фигура - фон", которая создает благоприятные условия для употребления деепричастий несовершенного вида или двойных глаголов в том же виде, а также некоторых подчинительных союзов вроде *пока, когда* итп. Кроме того, союз *причем* также не способен оформить пояснительную связь типа *а именно*, столь характерную для нулевого коннектора (бессоюзие, обособление), выражаемого двоеточием или тире. И наконец, оказалось, что и смысл *тем самым*, оформляемый постпозицией совершенных деепричастий, не совместим со смыслом *причем*.

Итак, односитуативная семантика для предложений с *причем* стандартна, но тем не менее не все ее разновидности поддаются оформлению с этим союзом. Кроме того, не все употребления союза *причем* помещаются в рамки односитуативной модели. Исключениями следует прежде всего признать те случаи, в которых хотя бы один из конъюнктов охватывает больше чем одно синтаксическое и просодическое предложение, особенно тогда, когда второй конъюнкт представляет собой целый нарративный эпизод. В общем счете такие исключения составляют в моем материале не больше 2 процентов, причем почти все они относятся к устной спонтанной речи. Это позволяет сделать вывод, что основная функция союза *причем* действительно заключается в соединении двух фрагментов одной и той же ситуации.

В качестве **формальных показателей** односитуативной интерпретации удалось выделить "вторичное" употребление союза и тем самым синтаксическое вхождение второго конъюкта в состав первого ("embedding"), и наличие в обоих конъюнктах глагольных форм в совершенном виде со значением одновременности. Оба этих показателя встречаются, хотя в модифицированном виде, также при двух других рассмотренных конструкциях со значением односитуативности, а именно при деепричастиях и двойных глаголах. Однако как и там, в предложениях с *причем* ни синтаксическое включение, ни совершенный вид не обязательны, наоборот: в большинстве примеров не содержится

ни одного из этих показателей. Для полноты картины следует добавить, что третий индикатор односитуативной модели, обязательный для двойных глаголов и возможный при сочетаниях с деепричастиями, при предложениях с *причем* вообще отсутствует: последние никогда не входят в просодическое целое вместе с первым конъюнктом. Эта особенность явно свидетельствует о добавочном характере информации, содержащейся в предложениях с *причем*; думается, что именно в этом и заключается основное различие между ними и сопоставляемыми конструкциями.

Другие формальные показатели сигнализируют уже определенный подвид односитуативной интерпретации. Так, сочетание различных наклонений в обоих конъюнктах или выступление отдельного показателя иллокуции в предложениях с *причем* (типа *учти, заметьте* итп.) указывает на то, что союзная связь осуществляется не на пропозициональном, а на иллокутивном уровне.

Благодарности. Я искренне признателен Ю. Д. Апресяну, И. М. Богуславскому и И. А. Мельчуку за критические замечания и ценные наблюдения по поводу данной статьи. Само собой разумеется, что за все оставшиеся ошибки отвечаю только я.

ЛИТЕРАТУРА

— АПРЕСЯН Ю. Д., 1986: "Интегральное описание языка и толковый словарь", **Вопросы языкознания**, 2, стр. 57-70.

— БОГУСЛАВСКИЙ И. М., 1977: "О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность?" **Известия АН СССР, серия литературы и языка**, 36, стр. 270-282.

— БОГУСЛАВСКИЙ И. М., 1988: "О некоторых типах неканонических сочинительных конструкций", **Вопросы кибернетики**, Проблемы разработки формальной модели языка (под ред. В.А. Успенского), Москва, стр. 5-18.

— ИОРДАНСКАЯ Л. Н., 1988: "Семантика русского глагола *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами)". **Russian Linguistics**, 12, стр. 239-267.

— ИОРДАНСКАЯ Л.Н., 1992 : **Перформативные глаголы и риторические союзы**, Ms.

— ПАДУЧЕВА Е.В., 1985 : **Высказывание и его соотносённость с действительностью** Москва .

— ПРИЯТКИНА А. Ф.; 1974 : "Вторичные союзные слова", в сб. **Исследования по славянской филологии**, Москва , стр. 269-274.

— ШВЕДОВА Н. Ю., 1960 : **Очерки по синтаксису русской разговорной речи**, Москва .

— ШУВАЛОВА С. А. 1988 : "Использование результатов классификации сложного предложения для построения фрагмента идеографической грамматики" В сб. **Идеографические аспекты русской грамматики** (под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского), Москва, стр. 125-134.

— ЗЕМСКАЯ Е. А., 1987 : **Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения**, Москва .

— BISANG W., 1992 : **Das Verb im Chinesischen, Hmong, Vietnamesischen, Thai und Khmer** (Vergleichende Grammatik im Rahmen der Verbserialisierung, der Grammatikalisierung und der Attraktorpositionen), Zürich.

— van DIJK T., 1981 : **Studies in the Pragmatics of Discourse**, The Hague-Paris-New York .

— HAIMAN J., 1985 : **Natural Syntax. Iconicity and erosion**, Cambridge-London .

— HALLIDAY M.A.K., HASAN R., 1976 : **Cohesion in English**, London .

— LAKOFF G., 1984 : "Performative Subordinate Clauses", in : **Proceedings of the Tenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society** , pp. 472-480.

— LEHMANN Ch., 1988 : "Towards a typology of clause linkage", in : **Clause Combining in Grammar and Discourse** (J.Haiman, S. A. Thompson, eds.), Amsterdam-Philadelphia , pp. 181-225.

— C.LORD, 1973 : "Serial Verbs in Transition", in : **Studies in African Linguistics** 4, pp. 269-295.

— MITTWOCH A., 1976 : "Grammar and illocutionary force", **Lingua**, 40, pp. 21-42.

— RŮŽIČKA R., 1980 : **Studien zum Verhältnis von Syntax und Semantik im modernen Russischen**, Berlin .

— SHOPEN T. (ed.), 1985 : **Language Typology and Syntactic Description. Vol. II: Complex Constructions**, Cambridge .

— WEISS D., 1989 : "Parataxe und Hypotaxe – Versuch einer Skalarisierung", in : **Slavistische Linguistik 1988** (Hrsg. W. Girke), München , S. 287–322.

— WEISS D., 1990 : "Satzverknüpfung und Textverweis", in : **Slavistische Linguistik 1989** (Hrsg. W. Breu), München, S. 284–312.

— WEISS D., 1990 : "Nominale Ellipse und sekundär-prädikativer Verweis im Vergleich", in : **Linguistische Arbeitsberichte**, 73, S. 58-80.

— WEISS D., 1991 : "Russisch *pričem* - eine Konnexion der dritten Art?", in : **Slavistische Linguistik 1990** (Hrsg. K. Hartenstein, H. Jachnow), München , S. 301-326.

— WIERZBICKA A., 1971 : "Metatekst w tekście", in : **O spójności tekstu** (red. M. R. Mayenowa), Warszawa , 105-122. [traduction russe: Metatekst v tekste, in : **Novoe v zarubežnoj lingvistike**, vyp. VIII/1978].

— WIERZBICKA A., 1988 : **The Semantics of Grammar**, Amsterdam-Philadelphia .